

Мария Метлицкая

МОСКОВСКИЙ ВАЛЬС

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Мария Метлицкая
Московский вальс

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Московский вальс / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2026 — (Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой)

ISBN 978-5-04-253264-1

Когда-то Алена уехала из Москвы, оставив там не только первую любовь, но и самую трудную страницу своей жизни. Прошли годы: у нее семья, дом, взрослая дочь и муж, который всегда был рядом. Кажется, прошлое больше не властно над ней. Но возвращение в город юности заставляет снова пережить забытое. Тонкий роман о любви, боли, верности и цене однажды принятого решения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253264-1

© Метлицкая М., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	13
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Метлицкая

Московский вальс

© Метлицкая М., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть первая

1

В тот вечер муж не вошел – влетел.

Алена с удивлением смотрела на его возбужденное радостное лицо. Что такое? Повышение в должности, прибавка в жалованье? Что может так возбудить и обрадовать спокойного, сдержанного человека?

Обычно он приходил усталым: что поделать, не мальчик. Хотя, чего там – всего-то слегка за пятьдесят, и все же годы брали свое. Алена, как умная и опытная жена, с вопросами не приставала. По крайней мере, первые час-полтора. Ждала, когда он придет в себя – плотно поест, выпьет кофе, пролистает газету, переберется на диван к телевизору, пощелкает пультом, повозмущается мировыми событиями, расстроится от плохих новостей (хороших теперь было мало), а уж потом обратится к ней:

– Аленка, ну что у нас нового?

«Аленка».

Иногда он звал ее так. Так, как звали ее в Москве – далекой, почти забытой Москве, – где она прожила свои самые счастливые и самые страшные дни: дни своего студенчества. Дни обретения новых друзей и нового, казалось, навеки любимого города. самого красивого города на земле. Города, вошедшего в душу и сердце, навсегда изменившего жизнь и судьбу. И, как ни странно, радость и боль были так тесно связаны с этим временем и этим городом, что прекрасно существовали. Радость и боль. Навсегда.

– Учиться в Москве? – удивилась она тогда. – Как это, папа? Уехать из Братиславы на целых пять лет? Уехать из дома, от вас?

Алена расплакалась.

– Нет, ни за что! Что вы такое придумали?

Она плакала и качала головой: мол, и не уговаривайте!

– Зачем мне это «прекрасное образование и потрясающая перспектива»? А что, здесь, дома, я не смогу получить хорошее образование? Советский диплом больше ценится? Ну и черт с ним! – кричала она. – Значит, мой, чехословацкий, будет цениться меньше! Зато я буду дома, рядом со своими близкими и друзьями! И, папа, прошу тебя: закрой эту тему. Ни в какую Москву я не поеду!

Скандал был страшный. Следом заплакали мама и младшая сестра Дана. Все уговаривали отца забыть «эту дурацкую затею» и оставить девочку в покое. Но главным в семье был отец. Главным и упрямым – как осел, так говорила мама: если что вобьет в свою ослиную голову – ни за что не откажется.

Вечером, у себя в комнате, сестры снова ревели. Не включая света, обнявшись, сидели на диване и поочередно всхлипывали, ругая отца. Потом к ним зашла мама, села рядом и обняла дочек.

– Не делай трагедии, – сказала она, – отец хочет тебе добра! Да и потом: что тут плохого? Новая жизнь, новые впечатления! Говорят, Москва – красавица. Огромная, необъятная красавица! А театры, выставки, культурная жизнь? Сколько ребят мечтают учиться в Москве! Одна ты, дуручка, не можешь оторваться от старых привычек!

– Дом, семья, друзья – это ты называешь старыми привычками? А разве не это самое главное? Я думала, ты будешь за меня! – с обидой сказала Алена. – А ты, как всегда, на его стороне. И у тебя, как всегда, нет своего собственного мнения. Папа, папа! Как скажет папа.

Как решит папа. Папа знает лучше... Мам, вы так хотите от меня избавиться? – всхлипнула она.

– Ложитесь спать, – махнув рукой, вздохнула мама. – При чем тут «нет своего мнения»? Просто я с ним согласна! С дипломом Московского института нефтехимии тебя с радостью возьмут на хорошую должность. Русский у тебя замечательный. Знаешь, как ценится советское образование? Ты талантливый химик, а у нас химфакультет слабенький, тебе там будет неинтересно. Это твое будущее, Алонка! Да и вообще ты глупенькая: у тебя же будет полная свобода! Ты только представь – никакого отцовского надзора, никаких «домой до десяти», никаких запретов на косметику, короткие юбки и челку до бровей!

Мама лукаво улыбнулась.

– Не знаю, лично я бы... – Она оглянулась на дверь и перешла на шепот: – Такой шанс ни за что бы не упустила! Учиться в Москве... – мечтательно повторила она. – Только дурочка может отказаться от этого! Да и потом, ты не будешь одна: там большое чехословацкое землячество, куча твоих соотечественников – умных и перспективных ребят. Там и найдешь жениха, не сомневаюсь!

Мама хихикнула, снова посмотрев на дверь.

– Кафе, танцевальные вечера... Музеи, театры, Алонка! А Ленинград? Эрмитаж, Русский! Ты же всегда интересовалась русской историей! А просторы, дочка! Сядешь в поезд – и едешь! Неделю, две, а страна не кончается!

– Ладно, ты просто подумай. А там разберемся. Все, по местам: время двенадцать.

Девочки молчали. Нарушила молчанье младшая Дана.

– А ведь правда, Алонка! – вдруг сказала она. – Я к тебе буду приезжать. А на каникулы будешь приезжать ты! И папа не будет над тобой командовать. – Дана громко вздохнула. – И вся его опека перейдет на меня... Меня бы он ни за что не отпустил: я не такая, как ты.

– А какая я? – удивилась Алона.

– Тебе доверяют. Ты скромница. На танцы не бегаешь, с мальчиками не встречаешься. Отличница, спортсменка. В общем, ты кругом положительная, Алонка! К тебе и придаться не с чем. Папа всегда говорит: бери пример с сестры. Думаешь, приятно?

Алона улыбнулась:

– А ты, оказывается, обижалась... На что, Данка? Я же не специально хорошо училась, просто мне было интересно. И математика интересна, и история, и литература. Но больше всего химия. А на мальчиков не заглядывалась, потому что...

Она вдруг замолчала, а потом выпалила:

– Да потому что комплексовала! Я выше всех в классе: то шваброй обзывали, то пожарной каланчой, то телебашней. Вот и... – Она махнула рукой. – К тому же отличница, а значит – выскочка...

Дана слушала сестру с изумлением.

– А я тебе завидовала, – продолжала Алона. – Ты симпатичная, изящная, невысокая. Ты кокетливая, остроумная, всегда можешь ответить. Не то что я: вечно теряюсь... Смущаюсь, краснею, вжимаю голову в плечи – и только бы проскочить, скорее проскочить и выбежать на улицу...

Алона смотрела в темное окно и не ждала никакого ответа.

– А может, папа прав? – сказала она, подумав. – Вдруг я избавлюсь от своих комплексов? Поступлю в институтскую баскетбольную команду и буду как все, а? Еще и наглой стану, надменной! Подбородок кверху – и никого не вижу, а? И меня зауважают.

– Да тебя и так зауважают, глупая! Ты умная и красивая. У тебя же ноги от ушей! Синие глаза и черные волосы... Ты начитанная и воспитанная – словом, достойный представитель своей страны! – засмеялась Дана. – Ну, что ты вылупилась? Что глазами хлопаешь? Да, ты

представитель своей страны и должна этим гордиться! Ты едешь представлять Чехословакию! И за тебя, Алонка, не стыдно! Потом привезешь красный диплом – и страна будет тобой гордиться. Ну правда, не таких же, как я, посылать! Такие, как я, – усмехнулась Дана, – в первую очередь узнают адреса близлежащих баров, дискотек и прочих зланных мест. Закрутят романы, начнут прогуливать лекции, курить в туалетах и заваливать сессии... В общем, езжай, сестричка, езжай. Благословляю! И не забудь: на Рождество я у тебя! Это не обсуждается!

– Разные ее девочки, – вздыхала пани Ковачова, – как от разных родителей. Старшая, Алона, с рождения была ангелом. Не ребенок – подарок Божий! А как младшая, Данка, родилась, так вместе с ней родились проблемы, тревога, беспокойство, неловкость и даже стыд. Данка дралась, отнимала игрушки, кидалась песком детям в глаза. Завидев ее, мамы хватали малышня и убегали с детской площадки.

– Пани Ковачова! Пани Эва! – несло со всех сторон. – Да успокой ты своего чертенка! Пани! Ваша Дана сломала любимую дочкину куклу! Эй, мадам! Это не ваш ребенок в синей куртке? Не ребенок, а дьявол какой-то! Вы бы сходили к святому отцу!

Пани Ковачова хватала младшую дочь и убегала домой.

Дома давала волю слезам. За что ее наказал Господь? За какие грехи? Ведь они с мужем образцовая семья – ни скандалов, ни пьянок, ни измен. Первая дочь – золото, а вторая... Дерется, плохо ест, ломает игрушки. Орет и скандалит: попробуй зайдешь с ней в магазин! При чем в любой – продуктовый, одежный, не говоря об игрушечном! Истерики везде. Хочу то, купи это, ты жадиная! Может и на пол упасть, и ногами засучить – типичная истеричка. Люди оборачиваются и качают головами. А ей, маме, стыдно, боже, как же ей стыдно... Вот и бежит она опрометью, только б исчезнуть.

А мужу не жалуется, не говорит. Заранее знает его ответ: сама виновата, избаловала.

Вечером, узнав об очередном Данкином поступке, сам начнет читать лекции, а бубнить он может часами. Дочка зевает, канючит, еле стоит на ногах – что с нее взять, ребенок! А он – бу-бу-бу, да еще за руку дергает, мол, стой и слушай! Я из тебя человека сделаю! Бери пример со старшей сестры!

– Алона! – кричит он. – Алона, где ты застряла?

Алона появляется через три минуты, но отец недоволен.

– Где ты застряла? – повторяет он. – Ты что, гонец за смертью?

– Уроки делала, – лепечет Алона, – математику.

– Подождет твоя математика! – злится отец. – Сестрой займись! Мать уже с ног падает, а этой хоть бы хны! Бери ее и втолковывай, что надо делать, чтобы стать человеком! Совсем распустилась!

– Пап, да она маленькая, – отвечает Алона. – Что она понимает!

– Что понимает? – Отец взбешен. – Она что у нас, дебильная? Тогда на учет – и в специнтернат! Поняли? – Он обводит глазами жену, старшую дочь и напоследок младшую. – А ей, похоже, все равно, посмотрите на ее наглую физиономию!

Дане действительно было все равно: ну, побурчит отец и перестанет. Ну, лишит сладкого. Алона все равно принесет. И мама супом накормит, еда к наказанию отношения не имеет. А не накормит – опять же потихоньку принесет сестра. Сэндвич с колбаской, кусок курочки, помидорку...

А конфеты и печенья есть у них в комнате, в тайнике. А тайник в пианино. Это придумала Дана. Алона тогда удивилась – она, мол, ни за что бы не догадалась! А все просто: открываешь широкую нижнюю крышку (там, где педали) – и прячешь что хочешь.

Туда же, по соседству с печеньем и конфетами, отправился и старый папин ремень, которым иногда, если не видела мама, папа шлепал младшую дочь. Ремень был старый и вытертый, мягкий, как тряпка, к тому же без пряжки: пряжка была утеряна, но все равно было обидно,

когда папа приступал к экзекуции. Правда, и экзекуция не очень-то удавалась – Дана петляла по квартире, как заяц, а потом пряталась за диваном, попробуй достань!

А вообще-то с папой старались не связываться. Как начнет читать лекции! Бу-бу-бу, бу-бу-бу. Уснуть можно. Папа был занудой, но человеком хорошим: как все говорили – все для семьи.

И семья их считалась положительной и даже образцовой. Мама – хозяйка и чистюля, папа – на приличной должности и при высокой зарплате. Дача, машина, девочки прекрасно одеты. В отпуск ездят на море, по выходным за город – в гости к бабушке. Мама нарядная, красивая, в узких брючках и светлой кофточке, в руках корзинка с провизией, прикрытая накрахмаленной салфеткой. А из-под салфетки вырывается запах – замечательный запах теплого пирога со сливой из бабулиного сада.

Машина у папы блестит, переливается – нежно-голубая, ни пылиночки, ни царапинки: папа следит за машиной, полирует ее бархатной тряпочкой. И девочки чистенькие, глаз радуется, даже старенькие соседushки на лавочке перешептываются: сестры-то – в одинаковых платьицах, с большими бантами в косах, в лаковых туфельках! Куколки, а не девочки! Пани Ковачова вежливая, милая, всегда поздоровается, спросит про здоровье. А пан Ковачов – молчаливый, можно сказать, нелюбезный. Оно и понятно – начальник!

Бабуля жила в Смоленицах, недалеко от старинного Смоленицкого замка. Вокруг Карпаты, и воздух такой, что, выйдя из машины, мама замирает и закрывает глаза. Наслаждается.

К бабуле ездят с ночевкой, хоть папа и бурчит, что спать надо в своей постели. Мама делает «страшные» глаза и цыкает на папу. И тот, как ни странно, смиряется: бабуля для мамы святое.

Пани Ковачова, для своих Эва, считала себя женщиной счастливой. Да и кто может возразить? Трехкомнатная квартира в хорошем районе Ружинове, машина, бабушкин дом в Смоленицах, который для них просто дача. Муж человек строгий, но порядочный: не гуляка и не пьяница, хороший отец. Ну а две девочки, Алона и Дана, ее главное счастье. Младшенькая, Данка, конечно, непростой ребенок – непослушный и слишком активный, но разве от этого она перестает быть любимой? К тому же Бог наградил старшенькой: вот, кто точно был ангелом! И глупо просить у Господа двух ангелов – ей, Эве Ковачовой, и так досталось с лихвой.

У мужа был сложный характер. А у кого он легкий? Эва таких не встречала. Зато человек он ответственный, а для мужчины это самое важное. Да и ко всем можно приноровиться, к самым сложным и непредсказуемым людям, считала она. Но при одном условии: если есть *ради чего*.

А у нее, Эвы Ковачовой, это *ради чего*, безусловно, было.

* * *

«Значит, все решено, – думала Алона. – Все решено за меня. Меня не спросили, преподнесли как факт: ты едешь в Москву».

А разве она не взрослый человек? Разве она не может, не должна принять участие в обсуждении? Это же важно! И это касается именно ее, а не кого-то другого. Выходит, что ее мнение не имеет никакого значения? Получается, так...

Все эти знакомые фразы – «папа знает лучше», «мы прожили жизнь», «своим детям мы желаем только добра», «потом ты скажешь спасибо» – она слышала часто. Но все предыдущие родительские решения были не очень-то важными, они не меняли Алонину жизнь, не поворачивали ее на сто восемьдесят градусов, поэтому она легко принимала то, что требовали родители, и в споры старалась не вступать.

Например – перевестись в другую, лучшую школу, пусть и добираться до нее на сорок минут дольше. Или поехать летом в спортивный лагерь, хотя она рассчитывала на море с родителями... Или купить на зиму не легкую модную куртку, а теплую длинную дубленку, которой, по утверждению мамы, сноса не будет. А в дубленке она выглядит как взрослая женщина, и длинная, до середины голени, дубленка только удлиняла и без того высокую девочку.

Но глупо было спорить и обижаться: дубленка стоила кучу денег и была в три раза дороже короткой модной куртки.

На день рождения ей подарили портфель. Черный, из натуральной кожи, на золотых замках. С такими ходили солидные министерские дяди – зачем ей, выпускнице, дорогой и пафосный, бросающийся в глаза, портфель? Одноклассницы носили яркие легкие сумки, рюкзаки или пакеты с учебниками. Портфель оттягивал руку, и Алона шла в школу как на эшафот. Больше всего ей хотелось провалиться сквозь землю.

Алона видела, какими насмешливыми взглядами ее провожают одноклассники, и в этот момент ей хотелось зашвырнуть дорогой и блестящий черный портфель подальше, да хоть за забор. Или за облака: чтобы он летел, крутился в воздухе, а потом свалился в кучу вонючего тухлого мусора. Может, сделать вид, что она его потеряла? Или что украли? А что, это мысль! Но как неудобно перед родителями, которые потратили кучу денег...

Но с того дня появилась мечта: чтобы портфель действительно украли, банально сперли.

И Алона небрежно швыряла портфель на подоконник, на скамейки, но портфель никому не был нужен – никто на него не зарился.

– На черта ты носишь такую тяжесть? – как-то спросила ее одноклассница.

– Папа подарил, – тихо ответила Алона.

Одноклассница пожала плечом:

– Ну и что? Тебе же неудобно, а не ему! Скажи, что тяжело таскать, и вообще, он какой-то... – одноклассница на минуту задумалась. – Неуместный. Даже мальчишки с такими не ходят! Оставь его, возьми легкую сумку. Сейчас модно холщовые, как у меня!

И она похлопала свою легкую серую полотняную сумку.

– Папа обидится, – вздохнула Алона. – Он же хотел как лучше.

Одноклассница смотрела на нее с сожалением.

– Ну-ну, – сказала она. – Ты и дальше будешь слушаться папу?

Алона пожала плечами.

– Ну ты и дура! – засмеялась одноклассница и пошла прочь.

С того дня Алона стала ей неинтересна.

Впрочем, и всем остальным она тоже была неинтересна. Молчаливая скромница, отличница – что там у нее в голове? На вечеринки не ходит, танцами не увлекается, на переменках застывает с книгой. На заднем дворе не курит, и парни ее не интересуют, да и одевается странно, не как современные девчонки. В школу ее подвозит папаша – видно, тот еще чувак: в строгом черном костюме и всегда при галстукe, наверняка какой-то чиновник.

Дома у нее никто не был. День рождения у Ковачовой летом, так что никому побывать у нее не довелось.

Вот младшая сестра у нее вроде нормальная, симпатичная, бегают на переменках, ржет во весь рот. А старшая ее, беднягу, отлавливает, хватая за руку и начинает отчитывать. Шепчет что-то, а сама красная, как сваренный рак. Стыдно ей за сестру. А чего стыдного? Вся малышня на переменках носится как ужаленная, все орут, тоже мне событие!

Да, странная эта Ковачова. Вроде и симпатичная, синеглазая, волосы красивые, черные, с отливом. Носик милый, вздернутый, с конопушками. Ротик бантиком, брови как нарисованные, но все равно желающих на нее нет. Потому что странная. Непонятная. Пресная. А зачем непонятные, когда есть куча понятных?

«Чего я боюсь? – спрашивала себя Алона. – По русскому я в классе лучшая».

Да нет, все понятно: кто б не боялся? Чужая страна, чужой язык. Как ее примет Москва? Говорят, люди там нетерпеливые, хамоватые и вечно куда-то спешат. Это нормально – большой город, большие расстояния, всем надо успеть. Да и с продуктами там непросто, Алона слышала, что за всем жуткие очереди. Правда, в институте есть столовая, и, говорят, хорошая. Но Алона не привыкла есть в общепите. Еще говорят, что иностранные студенты могут посещать магазин при посольстве и покупать знакомые продукты. Кажется, пару раз в месяц, но это не точно.

А готовить эти самые знакомые продукты? Алона не умеет готовить, совсем не умеет, потому что всегда готовила мама.

Но не это волнует ее, не еда. Говорят, что иностранца селят к советским студентам – ну да, дружба народов. К тому же иностранный студент быстрее учится русскому языку, а он сложный, хоть и есть в словацком и чешском знакомые слова. Да, еще ведь курсы и дополнительные занятия по русскому...

А еще говорят, что у них очень дружное землячество: ребята помогают девочкам, не оставляют новичков, и вообще все не так страшно.

Зачем она так удачно написала ту самую конкурсную работу по химии, после которой ее признали самой сильной ученицей города? Наверное, это и сыграло роль в предложении об учебе в Москве... Ни одной ошибки, нестандартное решение сложных задач. Вот ошиблась бы пару раз, напортачила, и ничего бы этого не было... Но разве она знала о последствиях? И разве могла написать по-другому?

Оказалось, что в Москву едут еще два соотечественника, парень и девушка: девушка едет поступать в театральный (по слухам, у нее необыкновенные способности), а парень – художник и едет учиться в главном художественном училище Москвы. Может, подружатся? Будут хоть два знакомых человека, два земляка...

Поезд отходил вечером.

Провожали Алону всей семьей. Данка хлюпала носом, терла красные от слез глаза и бросала на родителей ненавидящие взгляды.

– Бросаешь меня на съедение волкам? – прошипела она. – Как я с ними справлюсь? Они же меня совсем умучают, представь, а! Со свету сживут!

– А ты закончи школу и уезжай в Прагу! – шепнула в ответ Алона. – Поступи там и....

Данка замотала головой:

– Меня не отпустят, я же не ты. Мне нет доверия. Папа сказал, что будет держать меня на коротком поводке, представляешь! И не отпустит до самого замужества! А потом и мужа предупредит, что за мной глаз да глаз! Вот позор! И вообще, Алонка! Я не хочу учиться, не хочу получать образование! Зачем мне это?

– А что ты хочешь? – испуганно спросила сестра. – Сразу замуж?

Дана расхохоталась и поймала на себе обеспокоенный взгляд отца.

– Ну, это не сразу, лет через пять! А пока уеду в Прагу, пойду работать. Может, выучусь на косметичку или парикмахера, а может, на продавца в магазине косметики! Сниму квартиру, а уж потом буду искать жениха, чего торопиться? Хочу свободы, воли хочу!

И Данка мечтательно прикрыла глаза и раскинула руки.

– К тебе приеду! Может, там найду жениха! Или ты мне присмотришь, а, Алонка?

– Да ну тебя, – буркнула Алона, косясь на родителей.

В эту минуту раздался сигнал – объявили, что посадка в поезд номер пятьсот сорок четыре Братислава – Москва открыта: просьба предъявить билеты и заходить в вагоны.

Алона вздрогнула, испуганно посмотрела на маму и шагнула к вагону.

Папа внес чемоданы и устроил их в отделении под полкой.

Сумку с провизией мама примостила под столиком у окна: там было прохладнее.

Алона плюхнулась на полку и закрыла лицо руками.

Мама и Данка обняли ее. Отец говорил о чем-то со старшим проводником.

– Все будет хорошо, – шепнула мама, – я тебе обещаю. И не забудь: хорошенько поешь, слышишь, Алона?

И в который раз начала перечислять, что в сумке с едой.

Алона ее не слушала. Сердце бухало, как колокол.

– Ты трусиха, – шепнула ей сестра. – Ох, как бы я хотела быть на твоём месте!

Монотонный голос диктора объявил, что провожающие должны покинуть вагон.

В эту минуту в купе влетела девушка.

Девушка выглядела странно. Ярко-рыжие, в красноту, волосы, на глазах стрелки до самых висков, оранжевая помада, ногти в темном, почти черном лаке. Джинсы клеш с несвежей бахромой, майка с огромным вырезом спереди и сзади, и еще куча колечек, браслетиков, цепочек и кулончиков, которые мелодично позвякивали при любом движении.

Она закинула красный рюкзак на верхнюю полку, плюхнулась на нижнюю, напротив Алониной, и выпустила огромный надутый пузырь из бабл-гама. Пузырь надулся и со звуком схлопнулся, оставшись на губах. Но моментальным привычным движением рыжеволосая сняла его языком, показав ослепительно-белые зубы и наконец кивнув:

– Луция, – сказала она. – Можно Луцка.

– Алона, – прошелестела растерянная Алона.

Луция окинула взглядом соседкину семью и слегка скривилась.

Зашел папа и, увидев Луцию, вместо ответа на ее приветствие побагровел. Но Луция не обратила на это никакого внимания.

Всхлипывая и лепеча о приятной дороге, продуктах и звонках, мама тоже бросала недоверчивые взгляды на Луцию, которой все было по барабану. Луция с удовольствием листала журнал.

Папа стоял в коридоре и поторапливал.

Алона и Дана обнялись – и все наконец вышли.

Алона смотрела в окно. Папа, не оглядываясь, шел к выходу, и было понятно, что он расстроен и даже зол: это чувствовалось по его резкой походке. Мама махнула Алоне и поспешила за мужем.

На перроне стояла зареванная сестра, провожая глазами поезд, пока он не скрылся из виду.

2

Реветь было стыдно. Алона села поудобнее и достала книжку.

О чем говорить с этой странной девицей?

Неужели она и есть будущая актриса уникального дарования? Чудеса, да и только.

Через пару часов Алона проголодалась, но есть одной ей было неловко.

Рыжая соседка спала и даже похрапывала.

Алоне стало смешно.

Достав сумку с провизией, она разложила на столике куски жареной курицы в сладкой красной паприке, копченый овечий сыр, банку с любимым картофельным салатом и коробочку с ореховыми рогаликами, которые назывались «Братиславские». В фольге лежал хлеб с тмином. Мама не забыла положить и квадратную льняную салфетку с бабулиной вышивкой. Глядя на салфетку, Алона всхлипнула. Достала вилку, нож, пластиковые стаканчики и бутылку томатного сока, который очень любила. В отдельном пакете лежали два розовых яблока и две золотисто-янтарные груши, все из бабулиного сада, из любимой Смоленицы. И тут Алона не сдержалась и разревелась, закрыв рот рукой, – ах, как же стыдно...

Несмотря на все ухищрения, соседка проснулась и села на койке: смешная, с всклокоченными волосами, размазанной тушью и помадой, похожая на потрепанного клоуна.

– Ух ты! – хриплым от сна голосом вскрикнула она. – Столько жратвы!

Она громко сглотнула слюну и потерла руки.

– Ну что, приступим? – И, схватив куриную ножку, тут же откусила большой кусок. – Не возражаешь?

Алона не возражала.

Обглодав ножку, Луция хлопнула себя по лбу: вот же дура!

И полезла в рюкзак.

– Забыла, – сказала она, стащив рюкзак с верхней полки. – У меня тоже жратва! Правда, не такая, как у тебя, не домашняя... Зато самая вкусная!

И, бросив на столик палку копченой колбасы, уселась по-турецки. Колбаса была острой, об этом говорил ее насыщенный красный цвет.

– Не любишь? – спросила Луция.

Алона пожала плечами:

– Не знаю, мы дома колбасу не едим. Мама говорит, вредно.

Луция во весь голос расхохоталась.

– Жить вообще вредно, не слышала? Да и чего там вредного? Острота? Острое полезно, убивает микробы. А как вкусно, м-м-м! Попробуй, мамы сейчас рядом нет! И вот интересно, – Луция сдвинула брови, – а чем вас кормили? Кашками и супчиками, да? Могу себе представить!

«Хамка. Ест приготовленное мамой и еще ржет как кобыла. Ладно, ссориться не буду, дорога длинная. Но какая невоспитанная девица! Фу, противно. И ест руками, и пальцы облизывает. Посмотришь на нее – и есть расхочется».

И Алона отвернулась к окну.

– Знаю я таких *правильных* девочек! – усмехнулась Луция. – С виду паиньки, а в душе чистый ад! Только и думают о том, чтобы...

Алона не дала ей договорить.

– Чтобы что? – выкрикнула она. – По себе судишь?

Луция покачала головой:

– Нет, просто видела таких, как ты. При первой возможности бросались во все тяжкие, пили как лошади, трахались налево и направо... В один миг, вырвавшись на свободу, тво-

рили такое! И не остановить, не удержать. В общем, готовься. Скоро свобода, никаких предков рядом и никакого контроля! Ух, полетишь с самой высокой горки! Только смотри, не разбейся! Без опыта сложно.

– Ты ничего про меня не знаешь, – спокойно ответила Алона. – Тем более – что у меня внутри. Судись всех по себе, а люди разные. И вообще, – она усмехнулась, – ешь мою еду, а говоришь гадости!

– Еду пожалела? – удивилась Луция. – Так все равно все бы назавтра стухло. А чего сама не ела, из-за меня? Я тебе настроение испортила?

«Дура к тому же, – подумала Алона. – Что с ней говорить».

Она аккуратно завернула остатки еды, убрала их в сумку, расстелила постель, переоделась в пижаму, заплела волосы в косу и легла.

Соседка еще долго чем-то шуршала, пару раз выходила в коридор, в купе запахло косметикой, лосьоном и кремом, – и вот наконец улеглась и она.

– Спокойной ночи, – сказала Алона.

– И тебе сладких снов, – буркнула та.

Через пару минут Луция уже сопела. А вот Алоне совсем не спалось.

«Хамка и грубиянка, раскрашенная развязная кукла, – не могла успокоиться Алона. – И как она поступит в театральное училище? Говорят, там конкурс пятьсот человек на место! А уж в России красивых девушек море! А здесь – ну никакой красоты! Рот до ушей, глаза уползли к вискам, нос курносый. Да и как там что разглядишь за тонной косметики! В цирк ей надо, рыжим клоуном, а не в театр! Наверняка и талантами Советская страна не обеднела. Очень странно, очень. Ну и бог с ней, завтра распрощаемся и больше никогда не увидимся. А жаль, я думала, что моя соседка окажется нормальной девушкой и у меня в незнакомой Москве будет подруга...»

Алона вспоминала дом в Смоленицах и квартиру в Братиславе. Уютную кухню со шторами в незабудках, большой цветной телевизор в гостиной и удобный диван, где они помещались втроем – мама, Данка и она. Папа сидел в глубоком кресле и цыкал на девочек, что они мешают слушать. Девочки прыскали, но замолкали.

Мама вязала свитер или платье, папа шуршал газетами, пахло кофе, ванильными булочками и теплом. Пахло домом, а что может быть слаще запаха дома?

Алона повздыхала, всплакнула и повернулась к стене. Поезд шел ровно, подрагивая на стыках, то притормаживая, то набирая скорость, яркие фонари придорожных станций на мгновение освещали купе, но тут же все гасло, и поезд вновь погружался в темноту. Что ждет ее там, за всеми этими километрами, полустанками, городами и городками, полями и лесами, мимо которых они проносятся?

Вскоре Алона уснула.

Проснулась она рано, потому что поезд резко затормозил. Алона поняла, что это остановка. Может, граница? Алона посмотрела в окно. Ничего не понятно: длинное желтое здание без опознавательных знаков, по перрону пробежали несколько мужчин в военной форме – не разглядеть, еще свои или уже чужие.

– Граница! – объявила проводница. – Приготовили паспорта! Граница, проверка! Потом доспите!

На часах было шесть утра.

– Эй, – сказала Алона соседке. – Эй, просыпайся! Граница!

Луция заворчалась и что-то заворчала.

В коридоре послышались громкие шаги.

В дверь постучали и тут же открыли. На пороге стояли чехословацкие пограничники – два молодых парня. Увидев сонных девушек, они разулыбались. Было видно, что они с удовольствием поболтали бы с девчонками.

Алона, натянув одеяло до подбородка, протянула паспорт, мечтая об одном: чтобы эти симпатичные и милые ребята поскорее ушли. А сонная Луцка, протирая глаза, села на койку, спустила ноги, ничуть не стесняясь своей «полуголой», на тонких бретельках, майчонки и голубых шелковых трусиков.

Смутились и Алона, и ребята, а Луция долго копалась в рюкзаке, чертыхаясь, и наконец выудила свой паспорт.

– Поспать не дают, – бурчала она, абсолютно не робея перед представителями власти.

Паспорта проверили, и Алона поймала взгляд одного из пограничников: покрасневший как рак, тот пялился на длиннющие стройные и красивые Луцкины ноги, на ее крепкую круглую маленькую грудь, на ее живот с ровным темноватым пупком, в котором торчало маленькое серебряное колечко.

– Все в порядке, – смущенно буркнул он, положив паспорта на столик. – Но укладываться не советую: сейчас придут советские пограничники!

Луция выругалась, легла и закуталась в одеяло. Ей, кажется, было плевать на советских пограничников. А Алона, как только закрылась дверь, тут же вскочила, протерла лицо влажной салфеткой, причесала волосы и надела спортивные брюки, лифчик и майку. Аккуратно застелила постель и села у окна. Почему-то дрожали руки.

И снова в коридоре раздались шаги и слышались разговоры. Теперь это был не чешский и не словацкий язык.

«Русский, – поняла Алона. – Мы въезжаем на территорию СССР».

Стало так тревожно, что она крепко сжала дрожащие руки. По спине потекла струйка пота.

«Вот и все, я в СССР. И почему мне так страшно? Это же самая лучшая в мире страна! Страна, первой построившая социализм, страна, спасшая мир от фашистов, страна, где все равны и царит всеобщая справедливость! Чего я боюсь? Да ничего! Просто я страшная трусиха, трясусь по любому поводу. А пример надо брать с этой, – она глянула на уютно спящую Луцию. – Вот это нервы и самообладание! На все плевать, даже на пограничников!»

Дверь открылась, и возникли два молодца, очень похожие на предыдущих.

Один из них – высокий, светлоглазый, с белесым чубом, падающим на глаз, – широко улыбнулся и громко сказал:

– Хорош ночевать!

Алона не поняла, но инстинктивно вздрогнула.

От его окрика проснулась и Луция. Неохотно повернулась, широко зевнула и протянула:

– Опя-я-ять?

С недовольным видом она села, взяла со стола паспорт и с кривоватой улыбкой протянула чубатому.

Тот листал документ, долго сверял фотографию с оригиналом, хмурил брови, снова листал, а потом улыбнулся и протянул паспорт владелице.

– Чего в Москву-то? – спросил он на русском.

На русском же услышал ответ. Луция скорчила гримаску и выученно, по слогам, отчеканила:

– На о-бу-че-ни-е!

– Хорошее дело, – усмехнулся чубатый. – На кого учиться-то?

Луция не поняла и пожала плечами.

Чубатый небрежно открыл паспорт Алоны, тут же хлопнул печать, козырнул и буркнул:

– Удачи!

И молодцы вышли из купе.

Алона громко выдохнула. Оказалось, что ничего страшного: парни как парни, улыбаются, шутят.

Луция зевнула и спросила:

– Чего он болтал?

– Спрашивал, на кого едешь учиться, – ответила Алона.

– А ты русский знаешь? – удивилась соседка.

– В школе учили, – ответила Алона. – А вы разве нет? Кажется, во всех школах был русский.

– Может, и был, – равнодушно ответила та. – Только я не ходила. Думала, зачем мне русский? Сейчас бы вот пригодился... Я вообще много пропускала. Болела много.

Алона кивнула, но уточнять ничего не стала. Не очень-то интересно.

Поезд стоял несколько часов. Пограничники ходили вдоль поезда, бродили по вагонам, курили на перроне, куда-то бегали, возвращались, – но и это закончилось.

По коридору прошла проводница.

– Все, скоро двинемся! – повторяла она, стучась в закрытые купе. – Кто хочет чаю и кофе?

Ох, как хотелось горячего кофе! Большущую чашку, а туда четыре ложки сахара! Да с мамиными ореховыми рогаликами! Алона достала любимую чашку – синюю, в желтых звездах, и пошла к проводнице.

– И мне прихвати! – крикнула вслед Луция.

«Ага, ни “спасибо”, ни “пожалуйста”! Интересно, где ее воспитывали? Пусть поднимается и сама идет за кофе! А то нашла прислугу! Невоспитанная нахалка».

Но по доброте душевной кофе соседке взяла.

Они сидели друг напротив друга и во все глаза смотрели в окно. За ним другая страна – интересно же! Но пока ничего интересного не было. Мимо проплывали поля и речушки, серебрившиеся на только возшедшем, еще беловатом солнце. Сверкали зеркальной гладью озера, темнел густой еловый лес. Все так же, как и у них, на родине. Пока все так же.

Но после Польши и Чехословакии деревни оказались другими. Домики низкие, темные, а заборы во многих местах высокие, но покосившиеся и некрашенные. Палисадники заросшие, неухоженные. Да, деревня очень отличалась от той, которую они видели на родине. Алона вспомнила Смоленицы, и ей стало грустно.

Теперь она хорошо разглядела свою соседку, благо та наконец предстала без боевого раскраса.

«А она красивая, – подумала Алона. – Лицо тонкое, нежное. Кожа фарфоровая, прозрачная, глаза с бирюзовым отливом, высокий чистый лоб... Словно девушка с полотен девятнадцатого века».

Ох, если бы не красно-рыжая грива! Но сейчас волосы были забраны – и взору открылось прелестное, нежное и грустное лицо.

– А кто тебя провожал? – спросила Алона. – Прости, я просто не видела.

Луция грустно усмехнулась:

– Да никто. Я сирота, детдомовка. С года в детдоме. И где мои так называемые родители, не знаю и знать не хочу! Пьянь деревенская, бутылка дороже ребенка, зачем мне они?

– Прости, – пролепетала Алона. – Прости, я не знала.

Луция небрежно махнула рукой. Но в глазах блеснули слезы.

Вот оно как... А Алона думала, что она просто девочка-оторва: интернат, ранее взросление, выпивка, сигареты, мальчишки. Свобода, о которой так мечтали все юные люди. Без претензий, долгих и нудных лекций, дурацких разговоров о девичей чести, страшилок и пугалок. Свобода – не только от вечного занудства, называемого воспитанием, а от всего. Во всем! В одежде, музыкальных пристрастиях, прическе, выборе друзей... Во времени, наконец! Никаких ограничений, вроде «домой ровно в девять, и ни минутой позже». Или: «С кем ты идешь, из какой она семьи?», «А мальчишки, там будут мальчишки?».

Этот контроль и недоверие вызывали только одно – стойкую злость. Хотелось закричать: «Вы что, меня не знаете? Не знаете, как я учусь, не знаете о моих победах? Не в курсе, что я в городской команде по волейболу? Не знаете моих друзей наперечет?» Впрочем, какие там друзья, настоящих друзей у Алоны не было. Да и чем с верной подругой делиться? Делиться было нечем, только обидами на родителей. Кому это интересно?

Была сестра – она же, наверное, и подруга. Но и сестра посмеивалась над Алоной: говорила, что ее сломали, а вот она, Дана, хотя бы сопротивляется. Только сопротивление заключалось в том, что короткую юбку она запихивала в сумку, а переодевалась в подъезде. Там же и красилась. И так же боялась отца.

– Интересно, какая она, эта Москва? – тихо спросила Луция. – Говорят, огромная – с одного конца до другого пару часов, представляешь? А я, кроме Крумлова и Братиславы, нигде не была. В самом детстве нас возили в Прагу, на экскурсию, но я тогда заболела и мне было не до красот. Спала все время, даже из автобуса не выходила. Потом еще на какой-то курорт возили: озеро, деревянный дом, неудобные кровати, куча mosquitos. Мы ходили покусанные и расчесанные до крови, то еще удовольствие... А несколькими нашим повезло, их отправили в «Артек»! Знаешь, что такое «Артек»?

Алона мотнула головой:

– Кажется, слышала, но не помню.

Луция небрежно махнула рукой, типа, эх ты.

– «Артек» – это лагерь на берегу моря! Огромный лагерь на тысячи человек! В основном, конечно, советские, но много и иностранцев. Отбирают по успехам и немножко из сирот, но тоже отличников. Как понимаешь, я не попала, – засмеялась она. – Но ребята рассказывали такое!

И Луция сделала большие глаза.

– Какое? – заинтересовалась Алона. – Что-то страшное?

– Дурочка ты, – вздохнула соседка. – При чем тут страшное? Прекрасное, а не страшное! Песни под гитару, концерты, народные танцы в костюмах... Костер по ночам, а вокруг костра – огромного, до неба! – все собираются и разговаривают, поют, танцуют... Но самое главное – море! Прикинь, они купались в море! И ракушек набрали, потом нам раздавали. Я в своей ракушке иголкой сделала маленькую дырочку и носила на веревочке, представляешь?

Алона кивнула. Ракушка на веревке, бедная Луцка. А ей на четырнадцатилетние родители подарили золотые сережки и тоненькую цепочку с буквой «А» – первой буквой ее имени. А в пятнадцать – настоящие взрослые японские часы. А в шестнадцать... В шестнадцать они поехали на неделю в Париж – вот такой был подарок. Но об этом она, разумеется, умолчала.

– Перед моим отъездом братец явился. Старший, Вроцик. Всем же сообщили, что я еду в Москву! Вот он и сообразил, что мне денег дадут. И тут же явился, гад. Идет, шатается, вот-вот рухнет. Морда синяя, под глазом фингал. Брюки драные, на ногах резиновые шлепанцы... Короче, стыдоба. Стоит и ноет: есть, типа, нечего, голодаем, пожалей. Пить – есть на что, а есть – нет! А у него, между прочим, двое детей. Канючит, ноет, противно... А я понимаю, что деньги-то мои не на детей пойдут, а на пьянку! Ну и послала его подальше. А перед этим сказала: отдай детей в интернат, придурок. Там они голодать не будут. А он – нет, никогда, я не сволочь какая-то! Ну и поковылял обратно. Все они, эти родственнички, позор мой и страх...

Алона молчала.

– А знаешь, какая у меня мечта? – вдруг оживилась Луция. – Выучиться и остаться в Москве! Найти там хорошего парня, например режиссера, выйти за него замуж и остаться! На черта мне возвращаться? Ничего у меня там нет, даже угла своего, да и подальше от этих родственничков, правильно?

Алона кивнула:

– Конечно, правильно. И дай бог, чтобы все сложилось!

– Но еще надо поступить, сдать два экзамена. У нас, иностранцев, другая программа. Потом получить комнату в общежитии – и обязательно заработать стипендию! Ну здесь уж я постараюсь, не сомневайся! Без стипендии мне не выжить...

Алоне, между прочим, тоже нужна стипендия: папа сказал, что без стипендии никакой помощи, мол, пойдешь побираться, в России нищих любят, всегда подадут. Мама тогдаглянула на него и покачала головой, типа, думай, что говоришь! А дурочка Данка расхохоталась: «Алонка просит милостыню! Вот это картина!»

Да нет, за стипендию она не волновалась, стипендия у нее будет, должна быть. Недаром она, Алона Ковачова, лучшая по химии и физике во всей округе. Ведь не зря именно ей предложили поехать в серьезный вуз в Москве. Хотя брали ее и в Прагу, и в Братиславу – да в любой институт, где профилирующими были физика и химия. Только, к несчастью, папе пришла в голову мысль отправить ее в Москву. И кто его надоумил?

– Химия и физика? – скорчилась Луция. – Ой, хуже и страшнее нет ничего! Я в них вообще ни гу-гу! Хоть сто раз мне объясняй, все равно мимо! Да и математика тоже, – призналась она.

– Ну ты же гуманитарий, – утешила ее Алона. – У тебя другой склад ума.

– Да нет у меня никакого ума! – засмеялась Луцка. – И нет никакого склада! Просто кривляться умею, притворяться: жизнь научила. Ну и пою неплохо. На конкурсе один раз первое место взяла, – смутилась она. – И два – второе.

И через минуту добавила:

– И четыре раза третье!

Луция закатилась от смеха, но тут же посерьезнела.

– Хочешь, спою тебе свою песню? Или не свою, какую-нибудь известную. Ты кого любишь?

Алона смущенно пожала плечами. Кого она любит? Да тех, кто выступает по радио и телевидению: Карела Готта, Ивету Бартошову, Гану Загорову, Гелену Вондрачкову, Петера Надя с его группой.

Она несмело принялась перечислять.

– С тобой все ясно, – вздохнула Луция. – А группу «Фламинго» слышала? А Алеша Брихту? А Далибора Янду?

Алона покачала головой. Ей стало стыдно.

– Ну тогда слушай! – обрадовалась Луция и достала из чехла гитару.

Минут пять она настраивала ее, припадала ухом, кривилась, мотала головой, потом лицо ее посветлело, разгладилось, она кашлянула и провела пальцами по струнам.

А дальше она запела.

Такого хрустального – негромкого, но при этом звонкого – голоса Алоне слышать не доводилось. Луция пела о несчастной девушке, оставленной парнем. Слова песни были несложными, если не сказать примитивными, высокой поэзией там и не пахло, но это было трогательно и, главное, достоверно. Перед глазами на морском утесе стояла брошенная девушка – с длинными темными волосами, серыми, как у косули, глазами, глядящая вперед. Перед ней расстиралось серое Балтийское море, на которое было холодно и страшно смотреть.

Неожиданно песня оборвалась.

Алона вздрогнула и хрипло спросила:

– Она... Бросилась с утеса, прыгнула?

Луция пожала плечом:

– Не знаю. Каждый додумает сам. Может, дойдет до нее, что парень этот козел и топиться из-за него большая глупость? – рассмеялась она.

Улыбнулась и Алона, хотя губы слушались плохо.

После минутного перерыва Луция запела следующую песню.

Это была совсем другая песня: не жалостливая, а резкая, отчаянная, призывающая к свободе. Песня о Яне Палахе и Рышарде Сивеце, которые совершили самоубийство.

Алона испуганно вздрогнула и посмотрела на дверь.

«Сейчас нас услышат и... Прощай, Москва, прощай, институт».

Слава богу, песня закончилась, и Алона выдохнула.

Луция с интересом смотрела на соседку.

– Понравилось?

– Да, – замялась Алона, – но все-таки я больше люблю что-то лирическое, ну ты поняла...

Луция усмехнулась и запела Yesterday группы «Битлз».

Эту песню Алона знала и принялась подпевать.

В дверь постучали, и Алона вздрогнула.

На пороге стояла немолодая проводница с нахмуренными бровями.

– Девочки! Время послеобеденное, люди отдыхают. А вы тут концерт устроили! Пойте после пяти вечера, когда буду разносить чай, договорились? – И она улыбнулась. – А поете вы хорошо, душевно!

И закрыла дверь.

Луция пела не просто «хорошо, душевно». Луция пела... божественно. Алона, не понимающая в музыке, прекрасно это почувствовала. Ее случайно-неслучайная соседка, смешная детдомовская Луцка, была настоящим талантом.

«Хорошо бы ей повезло, – подумала Алона. – Хватит с нее горя и неприятностей. И хорошо бы, если бы исполнились ее мечты, хотя бы некоторые...»

Спать легли притихшие, встревоженные. Назавтра была Москва. Что она принесет таким разным девочкам, какие сюрпризы приготовит? Примет ли их этот большой, незнакомый и пока непонятный город? Чужой город, с другими правилами, привычками, запахами...

Как ни странно, Алона уснула тут же. А у Луции со сном всегда был полный порядок: только валилась на узкую интернатскую койку – и моментально уплывала в неизвестные дали. А иногда эти самые дали были такими прекрасными, что просыпаться не хотелось...

И главное – они разительно отличались от привычной жизни.

3

Утром выпили кофе, съели пачку печенья, принесенную проводницей, оделись, причесались и замерли у окна.

За окном проплыли какие-то склады промзоны, потом начался пригород. Обычные мало-приглядные пяти- и девятиэтажные дома, магазинчики. Работала техника, копошился рабочий люд: торопящиеся в детсады мамы с малышами, спешащие к автобусным остановкам мужчины и женщины. Обычная городская жизнь.

Поезд шел медленно, как будто устал.

По вагону прошла проводница. Теперь и она была тщательно причесана и накрашена: синие ресницы, перламутрово-розовые губы. Проводница заглядывала в открытые двери купе и кивала, мол, готовы – молодцы! Затем барабанила в последнее купе, в котором, видимо, никак не могли прийти в себя после бурно проведенного вечера.

– Как русские – всегда пьянка! – негромко возмущалась проводница. – Никогда не добудишься!

– Ага, – усмехнулась Луция. – А как чехи – так сплошное общество трезвости!

И девочки рассмеялись. Уж пить-то чехи умели, что говорить.

И вот давно тормозивший состав наконец дернулся, вздрогнул и остановился на перроне.

– Тебя встречают? – тревожно спросила Луция и быстро добавила: – Меня нет.

– И меня нет, – вздохнула Алона. – Но у меня есть адрес папиных знакомых. Придется ехать туда... А неохота, я их не знаю.

– Так езжай сразу в институт! Вернее, в общежитие! Места для нас приготовлены, мы почти приняты, зачем тебе к каким-то незнакомым людям?

Алона задумалась. А ведь Луцка права! Что городить, терять время, беспокоить людей? Место в общежитии есть, даже номер комнаты сообщили. Надо приехать, принять душ, разложить вещи, обустроиться, перекусить, сходить в деканат, а к вечеру она позвонит этим самым знакомым и скажет, что у нее все нормально. Молодец Луцка, спасибо, что подсказала! Это все папины выдумки, а надо привыкать жить без опеки сразу, с первого дня. А ведь она бы поехала! И в голову бы не пришло сделать то, что предложила Луция! Послушная девочка, смиренная дочь... Даже здесь, в другой стране, за тысячи километров, родители продолжали ее контролировать.

Москва огорошила. Алона и Луция стояли на вокзальной площади растерянные и потерянные, как жители деревенской глубинки, впервые попавшие в крупный город. Нет, не крупный – огромный! Широкие улицы, по которым неслись разноцветные машины и торопливые люди, не замечавшие, казалось, ничего вокруг... Высокие, солидные, монументальные дома с глубокими арками, и – вывески, вывески, вывески...

«Гастроном», «Почта», «Булочная-кондитерская», «Рыбный», «Кулинария», «Детская одежда», «Спортивный инвентарь», «Ресторан», «Кафе», «Кинотеатр». На первом этаже почти каждого дома – кафе, магазин, банк или кинотеатр.

– Ничего себе, – повторяла обалдевшая Луция. – И как нам во всем разобраться? Мы же тут потеряемся, Алонка! А как тут не потеряться? Где метро, и как там, в этом метро?

Оказывается, и она, бойкая Луцка, бывает растерянной.

– А поехали на такси! – с деланным задором сказала Алона. – Деньги у меня есть, не волнуйся. Адреса есть – сначала тебя завезем, а потом меня. Заодно и Москву посмотрим, мы же с тобой немного туристы?

За свободным такси отстояли минут сорок.

Протянули таксисту бумажки с адресами. Он громко вздохнул:

– Ох, девочки! Это ж в разных концах! Одно на Ленинском, на Бутлерова, – это юго-запад, а второе около ВДНХ – север, понимаете?

И он обернулся назад, где застыли окончательно раздавленные «туристки».

– Ну, что сникли? – снова вздохнул он. – Впервые в столице?

Девочки дружно кивнули.

– А денег-то хватит?

Алона открыла сумку и достала кошелек с пачкой обменных в банке купюр: красных десятирублевых, сиреневых двадцатирублевых и нескольких зеленых – номиналом в пятьдесят рублей.

– Понял, хватит, – испуганно оглядевшись, быстро кивнул шофер и добавил: – Ехать будем долго, зато Москву посмотрите. Вы откуда? Из Прибалтики? Вильнюс, Таллин? В Таллине я был, служил там. Классный город! А какие товары!

– Мы из Чехословакии, – тихо сказала Алона. – Приехали в Москву учиться. Я – в институт Губкина, а она, – кивнула на Луцку Алона, – в институт театра.

– А-а-а! – удивленно протянул водитель. – Молодцы, девчонки! А моя балда учиться не захотела. Замуж захотела. Вот и вышла сразу после школы. И через год родила. А муженька в армию загребли, а из армии он не вернулся.

Алона ахнула:

– Как не вернулся? С ним что-то случилось?

Шофер молча кивнул:

– Случилось. То, что в армии случается. В гробу его привезли, в цинковом. А эта осталась вдовой в девятнадцать. Да еще с малым на руках.

Шофер от отчаяния крикнул и нажал на газ.

– И как она? – спросила Алона. – Извините, я задаю бестактные вопросы...

– Как? Да нормально. Внука на нас повесила. Жена с работы ушла, рбстит его. Я вкалываю. А дочка жизнь молодую устраивает. Пока что-то не устроила. А слушала бы родителей – окончила бы техникум или какое училище, получила профессию, погуляла бы, а уж потом, лет в двадцать, можно и замуж... Правильно?

Алона задумалась.

– Да рано в двадцать. Это почти то же самое.

Вступила Луция, до того молчавшая и неотрывно смотревшая в окно:

– Зачем вообще замуж, что там хорошего? Одной точно лучше.

– Эх, девонька... – вздохнул шофер. – Это как сказать. Вот я со своей... Ой, вон, глядите! Направо, направо! Знаете, что это? Поэт наш великий, Александр Сергеевич Пушкин, слышали? То-то! Ну, молодежь, как вам столица?

Девочки с восторгом загомонили.

– То-то же! – довольно сказал шофер. – Лучший город земли! А вы не пугайтесь: привыкнете! Привыкнете и полюбите, это я вам обещаю! В этот город нельзя не влюбиться. Я сам из приезжих. Правда, приехал давно, в пятидесятые, после смерти усатого. Другая она тогда была, Москва. Свободная, просторная, люди лбами не сталкивались, плечами друг друга не задевали. Машин было мало, наперечет. Воздух был чистый. Нет, ей-богу! Липы везде, ясени, тополя... А сирени сколько! Море сирени. Акация, черемуха! Ну и потянулись людишки. Заводов понастроили, фабрик. Моя на парфюмерной работала, духами пахла. Не знаете, что такое парфюмерная? А где пудру разную делают, ну, поняли? А по-русски вы хорошо говорите, в школе учили? И правильно, великий язык! И, вишь, пригодился!

Шофер засмеялся и вздохнул:

– Одно плохо: далеко вы друг от друга, в разных концах. Ну, ничего, в центре встречаться будете, посередине, чтоб никому не обидно, правильно? А центр у нас... – Он на секунду зажмурил глаза. – Центр вселенной! Не верите? Потом убедитесь! Красная площадь, Царь-

колокол, Царь-пушка! А Оружейная палата? А Алмазный фонд, а Грановитая? Дух замирает – какие богатства в нашей стране! А музеев сколько, а театров? – Он покачал головой. – Да где еще такое есть? Говорю вам: влюбитесь – и уезжать откажетесь, вот увидите! Вспомните еще дядю Мишу!

– А в магазинах как? – с ехидцей спросила Алона.

Детдомовку Луцию это не очень интересовало.

– В магазинах? – переспросил дядя Миша. – Как, как... Хреновато!

Он рассмеялся.

– По-чесноку говорю: хреновато. С колбасой плохо, с мясом. С сыром не лучше. За всем очереди, это да. Но голодных нет, да и участки дачные для чего даны? А чтоб рóстить, правильно? Мы со своей растим, а потом закатываем. Огурцы, помидоры, ягоды всякие... Все, что растет! Так и живем, на природных, так сказать, богатствах родных просторов!

Дядя Миша бросил взгляд в зеркало и примолк: девчонки дремали. Вернее, дремала тощенькая рыжуха, смешная и пестрая. А высокая, дородная и красивая, держалась, но и ее глаза тоже были полужакрыты.

«Воспитанная, – подумал дядя Миша. – Силится, чтоб не уснуть: у нас же диалог...»

Он замолчал, приглушил радио и стал ехать плавнее. Пусть, мол, девчонки поспят, с поезда ведь.

«Хорошие девки, – думал дядя Миша. – Неглупые. За сто верст едут, чтоб образование получить. А моя – дура, тьфу! Все под боком, мамка, папка, а она... Тьфу, непутевая!»

Стало обидно.

Девчонки еще спали, когда дядя Миша затормозил у общаги на Бориса Галушкина возле ВДНХ.

«На выставку сходят, увидят, что да как в Стране Советов, – мелькнуло у него. – Эх, молодость! Пролетает, как...»

Слова не подобрал, ну и черт с ним. Просто любил он этот город и эту страну. Любил и гордился.

«Не за колбасу ж любят отечество, правильно? А за...»

– Приехали? – сбил его с мысли сонный голос смешной рыжухи.

– Станция Березай, кому надо – вылезай! – пошутил дядя Миша.

– Какая станция? – нахмурилась рыжая. – Мне такую не надо!

– Эх, иностраночки... Не понимаете нашего народного творчества! – вздохнул дядя Миша и подбодрил: – Твоя улица, не робей! Читай, – кивнул он на угол дома. – Вишь, что написано? Улица Бориса Галушкина! Ну, разглядела?

Читала по-русски Луция не очень, да и говорила куда хуже Алоны.

«Ну, ничего, подтянется, куда денется...»

– Алонка, – Луция потрясла подругу за плечо. – А я приехала...

Голос дрожал. Смелая-смелая, а страшно... С Алоной было спокойнее. Да и привыкла она к ней. Детдомовские привыкают быстро, а прикипают, глупенькие, еще быстрее.

Алона проснулась, огляделась, охнула и выбралась из машины.

– Я тебя провожу, – твердо сказала она. – Провожу и устрою, а потом спокойно уеду. Да, и самое главное – телефон! Мне надо знать твой телефон! Ну не твой, общежития!

Луция кивнула. Губы ее дрожали, хотелось расплакаться. А это бывало нечасто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.